

С.П. Бычков

Растопчин

В связи с трагедией Москвы Толстой разоблачает московского генерал-губернатора псевдопатриота Растопчина, разоблачает его жалкую роль в организации отпора врагу и в спасении материальных ценностей города, путаницу и противоречия во всех его административных распоряжениях.

С начала войны Растопчин выпускал патриотические афишки с картинками, которые писались псевдонародным ёрническим языком и отличались крайне несерьезным, «шапкозакидательским» тоном. Примечательно, что после характеристики этих афишек Толстой дает пародийное описание лжепатриотизма Жюли Карагиной и ее окружения, установившего штраф за употребление французского языка. Впрочем, такое, полшутливое «гонение» на французский язык наблюдалось и во многих других дворянских кружках Москвы и Петербурга, проникнутых в душе прежним низкопоклонством перед иностранщиной.

Растопчин был глубоко враждебен народу, он с презрением говорил о народной толпе, о «черни», о «плебейх» и с минуты на минуту ждал возмущения и бунта. Растопчин пытался управлять народом, которого не знал и которого боялся. Толстой не признавал за ним роли «управителя», он искал обличительный материал и нашел его в кровавой истории с Верещагиным, которого Растопчин, в животном страхе за свою жизнь, отдал на растерзание толпе, собравшейся перед генерал-губернаторским домом. Перед толпой предстал молодой человек в лисьем тулупчике, у которого была «длинная тонкая шея», «тонкие сапоги», «тонкие слабые ноги», «нерешительная походка», «покорный жест», «тонкие нерабочие руки». Преобладание эпитета «тонкий» характеризовало хрупкость сложения Верещагина. И толпа долго не могла поверить, что перед нею изменник и виновник поджога Москвы.

Известно, что сын Растопчина вступился за память «оскорбленного» отца, характер которого будто бы был искажен в романе Толстого, но сила проницательности великого писателя, разоблачившего казенный патриотизм Растопчина, особенно ярко раскрывается в свете позднее найденных документов, которых не знал и не мог знать Толстой в годы создания «Войны и мира». Эти документы характеризуют Растопчина как англофила, готового в любой момент покинуть Россию и перейти в иностранное подданство. В одном из писем к русскому послу в Англии Воронцову Растопчин упрашивал: «Сделайте же мне одолжение, устройте, чтобы я имел какой-либо знак английского уважения, шпагу, вазу с надписью, право гражданства».

Растопчин был глубоко чужд народу и поэтому не понимал и не мог понимать народного характера войны 1812 года — он стоит в ряду отрицательных образов романа.